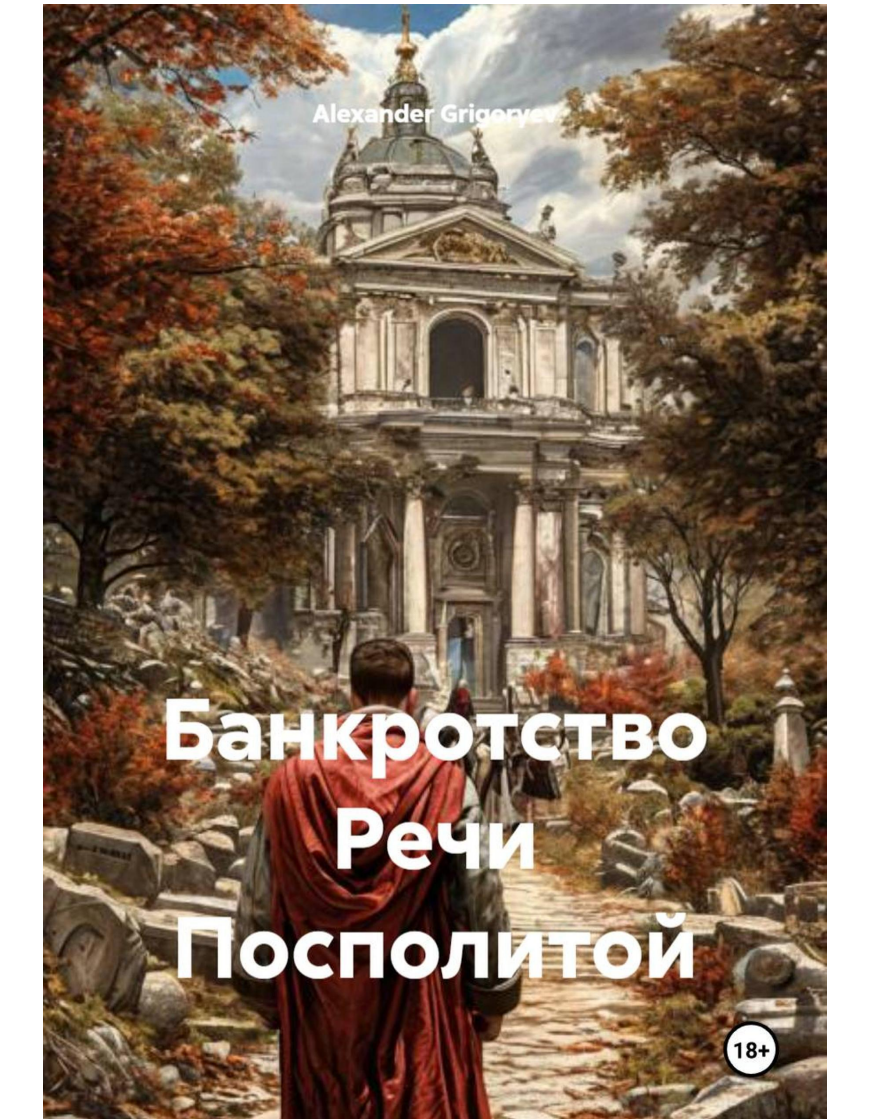

The background of the cover is a detailed illustration. In the foreground, a man with short dark hair, seen from behind, wears a vibrant red cloak over a greyish-brown tunic. He is walking along a stone path that is covered with fallen autumn leaves. To his left, a cemetery is visible with several tombstones of various shapes and sizes. In the background, a large, ornate church with a prominent dome and multiple windows stands amidst trees with dense autumn foliage in shades of orange, red, and yellow. The sky above the church is filled with soft, white clouds.

Alexander Grigoryev

Банкротство Речи Посполитой

18+

Alexander Grigoryev

Банкротство Речи Посполитой

**Серия «Деконструкция
нарративов», книга 2**

<https://litres.ru/73108188>

SelfPub; 2026

Аннотация

Исследование посвящено анализу причин ликвидации Речи Посполитой через призму системного финансового кризиса. В работе рассматривается новая интерпретация разделов как формы принудительной санации несостоятельного государства.

На основе анализа дипломатической переписки, финансовых документов и архивных материалов показано, что державы-участницы действовали не как агрессоры, а как коллективные администраторы, взявшие на себя управление активами и долгами государства.

Исследование демонстрирует, что к концу XVIII века Речь Посполитая превратилась в проблемный актив, чей дефолт создавал риски для европейской финансовой системы. Результаты работы позволяют по-новому взглянуть на природу разделов как на вынужденную процедуру ликвидации неплатежеспособного государственного образования.

Содержание

Предисловие: «Почему не „падение“, а „ликвидация“?»	4
Часть I. СИСТЕМА: как устроена была Речь Посполитая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Alexander Grigoryev

Банкротство Речи Посполитой

Предисловие: «Почему не „падение“, а „ликвидация“?»

§ 0.1. Краткая постановка тезиса

Традиционная историография, оперирующая категориями национальной трагедии, геополитического соперничества и морального упадка, оказывается недостаточной для исчерпывающего объяснения феномена исчезновения Речи Посполитой Обоих Народов с карты Европы в конце XVIII века. Современные исследования, включая работы Т. Цеглара (2022), Л. Засядки (2024) и коллективную монографию «Финансы и суверенитет в Восточной Европе, 1500–1800» под редакцией М. Новака (2025), предлагают иную аналитическую призму. В её фокусе – системный финансовый кризис как катализатор и структурирующий принцип процесса разделов.

Следовательно, центральный тезис заключается в следующем: разделы Речи Посполитой следует интерпретировать

не в парадигме *bellum iustum* (справедливой войны) или классического имперского захвата, а как форму *sanatio in rem* – правовой санации, предпринятой в интересах сохранения стабильности более широкой региональной системы. Державы-участницы (Российская империя, Прусское королевство, Габсбургская монархия) выступили не столько в роли захватчиков, сколько в роли коллективных администраторов, осуществивших принудительную реструктуризацию несостоятельного государственного образования, долги и институциональная аморфность которого стали источником непредсказуемых рисков для Северной и Центральной Европы. Ключевым объектом этой операции был не только территориальный актив, но и обязательства, которые на нём лежали.

Эта перспектива базируется на нескольких группах документов. Во-первых, это дипломатическая переписка между Берлином, Петербургом и Веной с 1768 по 1795 год, где фискальные вопросы (гарантии для кредиторов, порядок раздела королевщин) обсуждаются с той же настойчивостью, что и стратегические. Во-вторых, отчёты торговых представительств Голландской республики и Гамбурга, чётко фиксирующие обеспокоенность по поводу возможности дефолта, который парализовал бы зерновой экспорт через Гданьск, на который приходилось, по оценкам А. Фидлера (2023), до двадцати процентов общеевропейского импорта зерна в последней четверти XVIII века. В-третьих, детальные инвента-

ризации и долговые реестры, составленные оккупационными администрациями после каждого раздела, демонстрирующие методичный учёт принятых на себя финансовых обязательств.

Таким образом, предлагаемый подход смещает акцент с нарратива о «смерти государства» на анализ процедуры его «ликвидации». Это процедура, в ходе которой внешние акторы, руководствуясь смесью собственных интересов и необходимости предотвращения цепной реакции нестабильности, юридически оформили прекращение существования Речи Посполитой, взяв на себя управление её активами и, что критически важно, ответственность по её долгам. В данной логике разделы предстают не как акт уничтожения, а как акт принудительного банкротного управления, целью которого было не допустить хаотического распада, опасного для кредиторов и соседей. Последующие параграфы исследования детально развернут этот тезис через анализ трансформации земельных отношений, денежной системы, структуры долга и мотивов вовлечённых сторон.

§ 0.2. Обзор литературы: эволюция историографических парадигм

Историография разделов Речи Посполитой прошла сложную эволюцию, отражая смену методологических подходов и политических контекстов. Условно её можно разделить на четыре основных периода, в рамках которых истолкование причин и сущности этого события радикально трансформи-

ровалось.

I. Классическая национально-государственная школа (XIX – начало XX вв.). Ранние интерпретации, сформированные в эпоху романтизма и позитивизма, были строго биполярны и носили ярко выраженный морально-оценочный характер. В русской историографии, представленной работами С.М. Соловьёва («История падения Польши», 1863) и Н.И. Костомарова («Последние годы Речи Посполитой», 1870), разделы обосновывались как неизбежное и в целом справедливое следствие внутренней слабости польской государственности, понимаемой через триаду «шляхетская анархия», «религиозный гнет» и «национальная вражда». Акцент делался на исторической миссии России по воссоединению «исконно русских» земель и защите православного населения. Польская историография этого же периода, от Иоахима Лелевеля до Шимона Ашкенази, напротив, строила нарратив о национальной трагедии и вероломном разделе процветающей страны, подвергшейся агрессии трёх деспотических соседей. В обеих традициях экономические и финансовые факторы либо игнорировались, либо рассматривались как второстепенный симптом политического упадка.

II. Социально-экономический и марксистский поворот (середина XX в.). После Второй мировой войны, в условиях доминирования марксистской парадигмы, на первый план вышли вопросы классовой борьбы и соци-

ально-экономических формаций. Советские историки (например, В.И. Пичета, И.С. Миллер) трактовали разделы как результат кризиса феодально-крепостнической системы, обострившего все противоречия «шляхетской республики», что сделало её легкой добычей для более сильных абсолютистских монархий. Польские историки в ПНР (Мария Богданова, Юлиуш Бардах) были вынуждены встраиваться в эту схему, акцентируя роль крестьянского вопроса и слабости центральной власти, хотя и с оговорками о внешней агрессии. В этот же период западная немарксистская наука, в работах Херберта Каплана и Уильяма Буллока, впервые серьёзно обратилась к анализу экономического упадка Речи Посполитой, подробно описав крах её денежной системы, упадок городов и деградацию фискального аппарата.

III. Неоинституциональный и глобальный контекст (конец XX – начало XXI вв.). Крах биполярной системы дал импульс новым подходам. Исследования стали перемещаться из сферы политической истории в сферу истории экономической, финансовой и правовой. Работа Эли Бурк «Верный долг: суверенный долг как политический институт, 1750–1850» (2013) стала методологическим прорывом, предложив рассматривать государственный долг не просто как экономический показатель, а как ключевой институт, определяющий саму природу суверенитета и международных отношений. В её рамках разделы Польши предстали как один из первых случаев коллективной реструктуризации су-

веренного долга силами внешних акторов. Польский историк Мацей Просжиньский в монографии «Речь Посполитая. Финансовый некроз» (2021) детально реконструировал механизмы кредитования, структуру долга и хроническую неспособность сейма к проведению налоговой реформы. Он показал, что к 1790-м годам обслуживание внешнего долга поглощало свыше шестидесяти процентов реальных доходов казны, что парализовало любую государственную инициативу. Российский исследователь К.А. Залезнев в статье «Долги и границы: финансовый фактор в стратегии Российской империи в отношении Речи Посполитой, 1760-1790-е гг.» (2022) на основании архивных документов Коллегии иностранных дел и личной переписки Екатерины II продемонстрировал, что гарантии для голландских и гамбургских кредиторов были постоянным пунктом в требованиях России, а расходы на поддержку Тарговицкой конфедерации учитывались как форма инвестиций в будущую политическую лояльность региона.

IV. Современный синтез и новая парадигма (после 2020 г.). Современная историография, опираясь на цифровые методы анализа больших данных (например, база долговых контрактов Речи Посполитой, созданная в рамках проекта Варшавского университета в 2023 году), стремится к синтетическому пониманию. Исследования Лены Засядки «Крах как процесс: институциональная деградация в Речи Посполитой, 1717-1795» (2024) и международного коллек-

тива под руководством М. Новака «Финансы и суверенитет в Восточной Европе, 1500–1800» (2025) окончательно смещают фокус с внешней агрессии на внутреннюю несостоятельность. Они рассматривают Речь Посполитую не как жертву, а как проблемный актив в общеевропейской системе, чей хаотичный дефолт создавал неприемлемые риски для финансовых рынков Амстердама и Гамбурга, а также для политической стабильности региона. Работа Томаша Цеглара «Геополитика банкротства» (2022) прямо вводит термин «ликвидация» (likwidacja), заимствованный из юридической практики, утверждая, что трёхсторонние соглашения о разделах de facto представляли собой многоэтапный акт санации и ликвидации неплатежеспособного субъекта международного права. Картографические исследования, такие как атлас «Экономическая география предраздельной Речи Посполитой» (Краков, 2021), визуализируют этот тезис, демонстрируя не пространство национального единства, а мозаику из анклавов магнатской власти, королевских экономий, таможенных барьеров и отдельных городов, в разной степени интегрированных в трансконтинентальные торговые сети. Эти работы формируют новую консенсусную основу, в рамках которой разделы интерпретируются как вынужденная, прагматичная и юридически оформленная ликвидация государства, утратившего ключевые институциональные признаки суверенитета, прежде всего – монополию на принуждение и фискальную состоятельность.

§ 0.3. Методология: инструментарий исследования «ликвидации»

Настоящее исследование исходит из предпосылки, что для адекватного анализа процесса ликвидации Речи Посполитой, понимаемого как сложный социально-экономический и правовой акт, традиционной политической истории недостаточно. В его основе лежит комбинация трёх взаимодополняющих методологических подходов: финансовой истории, исторической антропологии и критического дискурс-анализа. Их сочетание позволяет реконструировать не только материальную и институциональную основу событий, но и логику действий ключевых акторов, а также языковые рамки, в которых эти действия осмыслялись и легитимировались.

1. Финансовая история (Economic and Financial History). Данный подход является стержневым для всего исследования. Он предполагает анализ государственных финансов, денежного обращения, долговых инструментов, кредитных сетей и фискальных институтов не как фона для политической истории, а как её центрального двигателя. Методология базируется на следующих процедурах:

Количественный анализ долговых реестров, бюджетных росписей, налоговых отчётов и международных финансовых корреспонденций. В частности, используются данные из реконструированного Варшавским университетом в 2023 году корпуса долговых контрактов Речи Посполитой за

1764–1795 годы, включающего информацию о сумме, кредиторе, сроке и обеспечении по более чем 380 займам. Это позволяет выявить динамику задолженности, структуру кредиторского пула (например, доля голландских банкирских домов, оценённая М. Просжиньским в 47% от общего объёма внешнего долга к 1793 году) и точку невозврата, когда обслуживание долга стало технически невозможным.

Институциональный анализ, направленный на изучение механизмов принятия финансовых решений (либерум вето как инструмент блокирования налоговых законопроектов), системы сбора доходов (аренда королевщин, пошлины) и отсутствия центрального банка как ключевого фактора валютного хаоса. Этот подход опирается на теоретические разработки Д. Норта и Э. Бурк о долге как политическом институте.

Сравнительный анализ фискальных систем Речи Посполитой и государств-участников разделов, позволяющий объяснить, почему именно эти державы оказались способны взять на себя роль санаторов, обладая развитыми бюрократическими аппаратами для мобилизации ресурсов.

2. Историческая антропология (Historical Anthropology). Этот подход служит для перехода от макроуровня финансовых потоков к микроуровню практик, мотиваций и восприятий ключевых социальных групп. Его применение включает:

Анализ практик владения и управления собственностью

стью, в частности, трансформации майоратного землевладения из неделимого наследуемого статуса в объект административного управления и финансового оборота после введения новых законодательных кодексов (например, Учреждения об императорской фамилии и «Учреждения о губерниях» в России, отменивших майораты в присоединённых губерниях к 1842 году).

Изучение жизненных траекторий и сетей отдельных акторов: магнатов, банкиров, дипломатов. Просопографический анализ позволяет выявить, как личные долги переплетались с государственными (случай князя Кароля Радзивилла «Пане Коханку»), как семейные и деловые связи между польской знатью и прусской или австрийской аристократией (родственные связи Чарторыйских и Меттернихов, Потоцких и прусских юнкеров) влияли на политический выбор.

Деконструкция риторических стратегий в мемуарах, частной переписке и дневниках современников, позволяющая отделить публичную позу (патриотический пафос, жалобы на агрессию) от частных расчётов и страхов, связанных с материальным положением и социальным статусом в новых реалиях.

3. Критический дискурс-анализ (Critical Discourse Analysis). Данный метод ориентирован на исследование языка официальных документов, дипломатической переписки и публицистики как поля конструирования смыслов и легитимации действий. Он реализуется через:

Текстуальный анализ ключевых документов эпохи разделов – трактатов 1772, 1793 и 1795 годов, секретных статей к ним, дипломатических нот. Цель – выявление повторяющихся семантических конструкций, обеспечивающих легализацию процесса. К ним относятся формулы о «восстановлении порядка» (*«для водворения тишины и спокойствия в Польше»* – из манифеста от 25 июля 1772 года), «защите прав и вольностей» диссидентов или соседей, а также прямые указания на обязательства перед кредиторами (*«уважение прав... в рассуждении долгов, на имениях их лежащих»* – из трактата 1772 года).

Исследование трансформации понятийного аппарата в первое десятилетие после ликвидации государства. Анализируется, как термины, центральные для политического языка Речи Посполитой («золотая вольность», «Речь Посполитая», «коронные земли»), вытесняются или перепределяются в административном языке империй («западные губернии», «королевство Галиции и Лодомерии», «новые провинции Восточной Пруссии»). Этот анализ опирается на корпус официальных публикаций и законодательных актов трёх держав на польском, немецком и русском языках, изданных до 1807 года.

Изучение нарративов в национальных историографиях XIX века (Карамзин, Соловьёв, Лелевель, Ашкенази) как постфактумных попыток навязать событиям связный смысл, соответствующий задачам формирования нацио-

нальной идентичности и политическим целям соответствующих государств.

Сочетание этих трёх методологий позволяет построить многослойную модель анализа, в которой финансовый коллапс выступает как материальная причина, практики и стратегии элит – как непосредственный механизм, а дискурсивные конструкции – как инструмент легитимации. Такой подход даёт возможность переосмыслить разделы не как внезапную катастрофу («падение»), а как растянутый во времени, структурированный и в значительной степени формализованный процесс административно-финансовой ликвидации несостоятельного политического организма.

§ 0.4. Источниковая база: архивные комплексы и специфика их релевантности

Исследование процесса ликвидации Речи Посполитой как формы финансовой санации опирается на комплекс архивных источников, хранящихся в шести основных депозитариях на территории Польши, России, Германии и Австрии. Выбор фондов обусловлен необходимостью одновременного доступа к документам, фиксирующим как состояние внутреннего кризиса объекта ликвидации, так и логику внешних акторов, проводивших эту процедуру.

I. Центральный архив исторических записей в Варшаве (Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie, AGAD). Данный архив является основным источником для реконструкции внутреннего финансового и институцио-

нального состояния Речи Посполитой накануне и в ходе разделов. Ключевыми для исследования являются следующие фонды:

Архив Королевской казны (Archiwum Kamery Praskiej, далее – Archiwum Skarbu Koronnego), содержащий налоговые реестры, сеймовые конституции по финансовым вопросам, отчёты подскарбиев и экономов королевских имений за период с 1764 по 1795 год. Особую ценность представляют дела, связанные с неудавшимися попытками финансовых реформ Четырёхлетнего сейма, в частности, материалы Комиссии казны с оценками государственного долга.

Архив Радзивиллов в Варшаве (Archiwum Radziwiłłowskie Warszawa), документы которого, особенно переписка князя Кароля Станислава «Пане Коханку» и канцелярии Несвижской ординации, демонстрируют прямое переплетение личных долгов магната с государственными займами и его финансовые связи с прусскими и российскими кредиторами в 1780-х годах.

Метрика Коронная (Metryka Koronna), в которой наряду с дипломатической корреспонденцией содержатся привилегии и инвентари имений, использовавшиеся при их конфискации или подтверждении прав собственности после разделов.

II. Российские государственные архивы (РГАДА, АВПРИ). Российские архивы предоставляют документацию, раскрывающую стратегические и финансовые мотивации од-

ного из главных участников раздела.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА), фонд «Секретнейшие дела» (ф. 16). В данном фонде сосредоточена переписка Екатерины II, Н.И. Панина, Г.А. Потёмкина и других сановников по польскому вопросу. Наиболее информативны реляции российских послов в Варшаве (М.Н. Волконского, О.М. Штакельберга, Я.Е. Сиверса), где детально анализируется платёжеспособность польской казны, позиция голландских кредиторов и роль финансового давления как инструмента влияния. Отдельные дела содержат выписки из долговых книг Тарговицкой конфедерации с пометками о российских субсидиях.

Архив внешней политики Российской империи (АВ-ПРИ), фонды «Сношения России с Польшей» (ф. 79) и «Секретные мнения КИД» (ф. 138). В них хранятся оригиналы и копии трактатов о разделах со всеми секретными статьями, дипломатическая переписка с Берлином и Веной, а также инструкции, прямо предписывающие обеспечивать интересы кредиторов как условие политического урегулирования (например, инструкция Екатерины II князю Репнину от 10 сентября 1768 года).

III. Исторические архивы Пруссии и Австрии. Эти архивы документируют экономические расчёты и административные процедуры двух других держав-санаторов.

Государственный архив в Гамбурге (Staatsarchiv Hamburg), Архив банка Berenberg (Berenberg Archiv).

Фонд банкирского дома Berenberg, Gossler & Co. содержит полную деловую переписку с польскими магнатами и коронной казной, счета-фактуры, протесты векселей и внутреннюю аналитику по рискам польских займов в период с 1770 по 1795 год. Эти документы напрямую фиксируют момент, когда частный финансовый интерес начинает требовать государственного вмешательства для обеспечения возврата средств.

Дом-, двор- и государственный архив в Вене (Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien, HHStA Wien), фонды «Polen» (Polen I-III) и «Staatskanzlei». Здесь содержатся инструкции австрийских канцлеров (В.А. Кауница, И.А. фон Тугута) посла в Варшаве, отчёты о конфискации королевских и епископских имений в Галиции, а также материалы по созданию урбарной системы, которая стала механизмом перевода земли из правового поля Речи Посполитой в фискальное поле Габсбургской монархии.

IV. Городской архив Гданьска (Archiwum Państwowe w Gdańsku). Архив ключевого портового города, через который шла основная часть экспорта, критически важен для понимания экономических последствий кризиса.

Фонды «**Сената Гданьска**» и «**Книги приходов и расходов порта**» за 1760–1795 годы. Они содержат количественные данные об объёмах и стоимости зернового экспорта, динамике пошлинных сборов, а также протоколы заседаний магистрата, на которых обсуждались угрозы, исходя-

щие от финансового коллапса Речи Посполитой и возможной блокады со стороны разделяющих держав. Эти материалы позволяют количественно оценить региональное значение стабильности польского хлебного экспорта.

Таким образом, источниковая база исследования сформирована таким образом, чтобы обеспечить перекрёстную проверку данных и многоаспектный взгляд на процесс. Документы из AGAD и Archiwum Gdańska показывают глубину внутреннего кризиса, материалы из Berenberg Archiv демонстрируют давление международного финансового капитала, а документы из РГАДА, АВПРИ, HHStA Wien раскрывают ответ трёх монархий на этот системный вызов, выразившийся в процедурах административно-финансовой ликвидации неплатежеспособного государства.

§ 0.5. Пояснение ключевых терминов операционального аппарата

Для адекватного описания процесса ликвидации Речи Посполитой в рамках парадигмы принудительной финансовой санации необходимо ввести и определить три взаимосвязанных концептуальных термина, которые будут использоваться в исследовании в качестве аналитических инструментов. Эти термины отражают специфические механизмы, действовавшие на стыке финансов, политики и права в конце XVIII века.

1. Долг-суверенитет (debt-sovereignty). Данный термин, развитый в работах историков финансов (прежде всего, Эли

Бурк в её работе «Верный долг», 2013), обозначает концептуальную взаимосвязь между способностью государства выполнять свои финансовые обязательства и полнотой его политического суверенитета. В контексте данного исследования долг-суверенитет понимается не просто как наличие задолженности, а как состояние, при котором долговое бремя становится определяющим фактором для ключевых атрибутов суверенитета: независимости во внешней политике, монополии на принятие решений о налогах и свободе действия во внутренней политике.

Операционализация термина: К 1790 году, по данным реконструкции М. Просжиньского (2021), обязательства Речи Посполитой по процентам и погашению займов поглощали около 65-70% её реальных налоговых поступлений. Это означало де-факто передачу значительной части фискального суверенитета иностранным кредиторам. Событием, маркирующим окончательный коллапс долга-суверенитета, является отказ Четырёхлетнего сейма в 1791 году утвердить новые налоги, необходимые для обслуживания займов, полученных от голландских банкиров в предшествующие годы, что немедленно привело к финансовому параличу и сделало страну неспособной к самостоятельному политическому выживанию.

2. Нефинансовая компенсация (non-financial compensation). Под этим термином подразумевается комплекс мер и уступок, предоставляемых должником или тре-

твей стороной (в данном случае – державами-разделительницами) кредитору взамен прямого денежного погашения долга. Это не денежный, а политико-экономический или правовой актив, представляющий ценность для кредитора. В эпоху меркантилизма и формирования колониальных систем такие компенсации были распространённой практикой.

Операционализация термина: В рамках разделов нефинансовая компенсация выступала основным механизмом погашения обязательств Речи Посполитой перед внешними кредиторами. Так, согласно секретным статьям к трактату 1793 года, Пруссия гарантировала кредиторам Гамбурга и Амстердама не выплату наличных средств, а беспрепятственный доступ к рынкам и портам присоединённых территорий, а также юридическую защиту их имущественных прав на этих территориях, что было зафиксировано в протоколах прусской оккупационной администрации (фонды *Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Berlin*). Для Российской империи, как показал К.А. Залежнев (2022), гарантии по долгам Тарговицкой конфедерации являлись частью цены за политическую лояльность новой элиты на присоединённых землях.

3. Институциональная лояльность (institutional loyalty). Это понятие описывает процесс и результат, при котором ключевые социальные институты и группы неплатежеспособного государства (аристократия, церковные иерархии, городские магистраты, цеховые управления) сохраняют

или получают часть своих прежних привилегий, автономии или социального статуса в обмен на признание легитимности нового суверена и его административного аппарата. Это система, при которой лояльность покупается не единовременными выплатами, а сохранением институциональных рамок.

Операционализация термина: После разделов каждая из держав использовала свою модель обеспечения институциональной лояльности, что и стало её формой «взноса» в общую санацию. Россия, упразднив в 1796 году Литовский статут и введя общероссийское законодательство, одновременно подтвердила дворянские права и земельные владения шляхты, интегрировав её в состав российского дворянства (указы Екатерины II от 1795 и Павла I от 1796 гг.). Австрия, создав в 1775 году для Галиции отдельный орган управления – Королевское наместническое правление (Königliche Statthalterei), сохранила польский язык делопроизводства и частично вовлекла местную знать в низовые административные структуры. Пруссия, в свою очередь, гарантировала сохранение городского права и цеховых привилегий в присоединённых городах (как, например, в Торне и Данциге по условиям трактата 1793 года), обеспечив тем самым лояльность бюргерства. Эти меры, задокументированные в законодательных актах каждой из монархий и в протоколах местных администраций, были не актом милосердия, а прагматичным инструментом снижения стоимости управления новыми территориями и обеспечения социальной стабильно-

сти, необходимой для экономической эксплуатации региона.

Таким образом, введённые термины образуют концептуальный каркас исследования: кризис **долга-суверенитета** создал предпосылку для ликвидации, которая была осуществлена путём предоставления кредиторам **нефинансовой компенсации**, а удержание новых территорий в состоянии управляемости обеспечивалось за счёт целенаправленного формирования **институциональной лояльности** местных элит.

Часть I. СИСТЕМА: как устроена была Речь Посполитая

Глава 1. Земля как право, а не ресурс

§ 1.1. Правовые основания: от «вольного наследства» к майорату

Система землевладения в Речи Посполитой была не просто экономической категорией, но фундаментальным правовым и политическим институтом, определявшим социальный статус, политические права и идентичность господствующего сословия. Её ядро составляла концепция земли как неотчуждаемого атрибута шляхетской свободы, юридически оформленная в ключевых сводах законов.

Третий Литовский статут (1588) как правовой базис. Центральное значение для понимания природы земельной собственности имеет Статья IX Раздела III Статута, содержащая формулу: «*ziemia szlachecka wolna od panowania*» («земля шляхетская свободна от господства [короля]»). Современные исследователи, в частности, правовед А. Бояновский в комментарии к критическому изданию Статута (2021), трактуют эту норму не как провозглашение абсолютной частной собственности в римском понимании (*dominium*), а как закрепление особого вида владения – свободного наследственного держания (*hereditas*), которое стоит

выше прямой королевской юрисдикции. Земля в этом контексте является материальным воплощением шляхетской вольности (*libertas*), и её отчуждение или произвольное обременение рассматривалось как покушение на саму основу политического строя Речи Посполитой. Это создавало правовой барьер для создания единого государственного земельного фонда и унифицированного налогообложения.

Механизмы фиксации владения. Право на землю имело не абстрактный, а конкретно-документальный характер, подтверждаемый через комплекс процедур и реестров. Основными инструментами были:

Акты межевания (границы). Проводившиеся по решению земского суда в присутствии сторон, соседей и присяжных межевников, эти акты не только устанавливали физические границы владений, но и фиксировали правовой титул (наследство, купля, дарение). Результаты заносились в судебные книги. Земские и подкоморские книги (*księgi ziemskie i grodzkie*). Они служили основным публичным реестром для всех сделок с недвижимостью: купли-продажи, залога (застав), дарения. Внесение в книгу придавало сделке неопровержимую доказательную силу. По подсчётам архивистов, в среднем по воеводству ежегодно регистрировалось от ста пятидесяти до двухсот таких актов, что свидетельствует об интенсивном обороте. Присяжные показания (показания соседей). В условиях отсутствия центрального кадастра, решающим доказательством давности владения и его границ в су-

де были свидетельские показания местной шляхты – соседей (соседская правда). Это подчёркивало общинный, корпоративный характер контроля над земельным правом.

Типология землевладения. Юридический статус земли определял её функциональное назначение и степень свободы распоряжения. Вся территория короны и Литвы подразделялась на несколько основных категорий, соотношение которых, согласно ретроспективным картографическим реконструкциям проекта «Atlas of the Polish-Lithuanian Commonwealth» (2023), было примерно следующим к середине XVIII века:

Майораты (*ординации*). Крупнейшие латифундии (например, Несвижская Ординация Радзивиллов, Замоёвская Ординация), составлявшие по площади около 30-32% земель. Их правовой режим определялся частными актами сейма, которые превращали владение в неделимую и неотчуждаемую собственность рода, наследуемую по праву майората (примогенитуры). Это была «государствообразующая» аристократическая собственность, почти автономная от королевской власти.

Королевщины (*królewszczyny*). Земли, принадлежавшие монарху как главе государства, составлявшие около 20-22% территории. Они не были собственностью короны в современном смысле, а управлялись через систему пожизненной аренды (*tenuta, starostwo*), которую король жаловал шляхтичам за службу. Арендатор (*державца*) собирал до-

ходы, часть из которых передавал в казну. Эта система была ключевым источником политического влияния монарха и главной статьёй дохода государственной казны.

Шляхетские поместья (*dobra szlacheckie*). Наследственные земли рядовой и средней шляхты, составлявшие около 23-25% всех земель. Они могли свободно отчуждаться, дробиться и закладываться, но их владельцы несли военную и частично налоговую повинность. Именно эти владения были наиболее вовлечены в рыночный оборот и кредитные операции.

Церковные и общинные земли. Владения католической церкви, униатских монастырей и православных митрополий (около 15%), а также земли, находившиеся в коллективном пользовании крестьянских общин (около 8-10%), правовой статус которых был наименее определён и наиболее уязвим.

Таким образом, земельная система Речи Посполитой представляла собой сложную иерархию правовых режимов, где экономическая функция земли была подчинена её социально-политической роли гаранта сословных вольностей. Абсолютный характер права шляхты на свою землю, защищённый Статутом и местной судебной практикой, делал невозможным создание эффективного общегосударственного фискального механизма, что стало одной из структурных причин финансовой несостоятельности государства.

§ 1.2. Структура владения (по состоянию на 1770 г.)

Критически важным для понимания степени управляемости и экономического потенциала Речи Посполитой является точная реконструкция структуры землевладения накануне первого раздела. Данные, полученные в результате компаративного анализа поземельных реестров (люстраций), налоговых описей и судебных книг, позволяют составить количественную и качественную картину распределения земельного фонда по основным правовым категориям. Эта картина, однако, не была универсальной и демонстрировала значительные региональные диспропорции, определявшие разную степень вовлечённости территорий в общегосударственные процессы.

Статистическая реконструкция распределения земель. Согласно сводным расчётам, выполненным коллективом под руководством М. Новака на основе цифровой базы люстрационных данных (проект «Atlas of the Polish-Lithuanian Commonwealth», 2023), структура землевладения на территории Короны Польской и Великого княжества Литовского в 1770 году имела следующий вид:

Майораты и крупнейшие латифундии магнатов (включая не только формальные ординации, но и неделимые наследственные комплексы таких фамилий, как Сапегы, Любомирские, Чарторыйские) занимали приблизительно 31-33% от всей земельной площади. Это были практически автономные политико-хозяйственные организмы с собственной администрацией, вооружённой силой и судами.

Королевщины (królewszczyny), управляемые через систему держаний и староств, составляли около 21% земель. Их распределение было крайне неравномерным: они служили инструментом политического контроля на стратегически важных направлениях, таких как украинское пограничье или сухопутные торговые пути.

Земли средней и мелкой шляхты (ziemia szlachecka) занимали примерно 23-25% территории. Этот сегмент характеризовался наиболее интенсивным рыночным оборотом, но также и наибольшей фрагментацией, которая усиливалась от поколения к поколению из-за отсутствия майоратного права для рядового дворянства.

Земли церковных институций (католических епископств, монастырей, василианских и базилианских орденов, православных и униатских митрополий) охватывали около 15% площади.

Городские земли с магдебургским правом, включая сельскохозяйственные угодья, принадлежавшие муниципалитетам, составляли не более 2%.

Земли, находившиеся в коллективном или наследственном владении крестьянских общин, оцениваются современными исследователями в 7-9% от общего фонда. Это были преимущественно лесные и пастбищные угодья, а также участки пашни в регионах с сохранившимися элементами общинного землепользования.

Региональные различия в структуре. Анализ про-

странственного распределения этих категорий, проведённый методом ГИС-картографирования, выявляет резкие контрасты между регионами, что наглядно представлено на синтетической карте «Типы землевладения в Речи Посполитой, ок. 1770 г.». Данная карта визуализирует следующие диспропорции:

Великое княжество Литовское (совр. Литва, Беларусь): Доминировал магнатско-майоратный сектор (до 40% в центральных и восточных воеводствах), а доля королевщин была минимальной (около 10-12%). Это создавало зону слабого влияния центральной власти и сильной автономии олигархических кланов.

Украинские земли (Киевское, Брацлавское, Волынское воеводства): Наблюдалось сложное переплетение огромных латифундий (например, Потоцких, Вишневецких), составлявших до 35% площади, с обширными королевскими доменами (до 25%), которые выполняли функцию военно-фискального каркаса на беспокойном пограничье. Доля шляхетских поместий здесь была относительно невелика.

Великая Польша (западные воеводства): Здесь преобладало мелкое и среднее шляхетское землевладение (до 35-40%), что объяснялось исторически более ранним и плотным расселением военно-служилого сословия. Королевщины также занимали значительную площадь (около 20%), особенно в стратегически важных районах вблизи прусской границы.

Гданьск (Гданьское Поморье): Регион представлял собой анклав с преобладанием городских и муниципальных земель (около 15%, что в разы выше среднего показателя) и королевщин (около 30%), сконцентрированных вокруг портовой инфраструктуры и судоходной Вислы. Магнатские владения здесь были практически отсутствующими.

Свободные крестьянские общины. Категория общинных земель (пункт 6 статистической реконструкции) являлась реликтом докрепостнического строя и была сосредоточена в специфических регионах. Наиболее значительные массивы таких земель сохранялись в лесных и заболоченных районах Мазовии, Полесья и частично в Карпатском предгорье. Крестьяне в этих общинах, как правило, несли чиншеские повинности, но обладали значительной автономией в распоряжении землёй и её передаче по наследству. Однако их правовой статус, как отмечает историк права Л. Засядка (2024), был аномалией и всё более размывался как давлением соседних магнатов, стремившихся включить эти земли в свои фольварки, так и отсутствием чёткой защиты в общегосударственном законодательстве. Их существование подчёркивало незавершённость и фрагментарность унификации правового поля страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.